УДК 94(571.54)

ББК 63.3(2Р54)

DOI 10.31554/2222-9175-2020-38-60-77

Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Е. Ю. Шаповал

ДОКУМЕНТЫ О БАРГУЗИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ
В ФОНДЕ Р-250 «БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ПРИ ВЦИК РСФСР» ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Представлены документы, в которых рассматриваются материалы об организации и исследовании Баргузинского заповедника в 1924–1928 гг.

В подборку архивных материалов вошел документ, являющийся выпиской из отчетного доклада заместителя народного комиссара земледелия В. Неупокоева о поездке в Баргузинский соболиный заповедник и питомник. В документе отражены его личные впечатления о путешествии, проблемы существования заповедника, его охраны и перспективы развития.

Ключевые слова: Бурят-Монгольское представительство, исследования, Баргузинский соболиный заповедник, БМАССР, архивные документы.

B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras, E. Yu. Shapoval

DOCUMENTS ON THE BARGUZIN RESERVE IN THE R-250 FUND
«BURYAT-MONGOL REPRESENTATIVE AT THE VTSIK RSFSR»
OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

This article presents documents, which discuss materials on the organization and research of the Barguzinsky Reserve in 1924–1928.

The selection of archival materials includes a voluminous document, which is an extract from the report of the Deputy People's Commissar of Agriculture Neupokoev on a trip to the Barguzinsky sable reserve and nursery. The document reflects Neupokoev's personal impressions of the trip, as well as problems in the reserve's activities, issues of its existence, protection and development prospects.

Keywords: Buryat-Mongolian representation, research, Barguzinsky sable reserve, BMASSR, archival documents.

В 1916 г. в России учреждается Баргузинский заповедник, первый заповедник на территории страны [1]. Ныне, преодолев столетний рубеж, Баргузинский государственный природный биосферный заповедник выполняет важные функции

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия «Государственный архив Республики Бурятия» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: butit62@mail.ru.

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: kuraslv@yandex.ru.

ШАПОВАЛ Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, начальник отдела информационных архивных технологий Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия «Государственный архив Республики Бурятия» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: ewgen8282@inbox.ru.

по охране ландшафтов, экосистем, биоразнообразия, способствует экономическому развитию региона и обеспечивает возможности для исследований, мониторинга комплекса актуальных проблем охраны природы.

Научные изыскания по изучению пушного зверя в заповеднике были заложены экспедицией Г. Г. Доппельмайра в 1914–1915 гг., а уже в 1930-е гг. одна из целей – восстановление численности уникального баргузинского соболя была достигнута.

Таким образом, в первые десятилетия советской власти в заповеднике проводится изучение промысловых видов зверей, решаются проблемы восстановления численности соболя, истребляемого браконьерским способом. В этот же период происходит трансформация заповедника, расширяется круг задач, и из узконаправленного он постепенно становится комплексным.

В данной статье, опираясь на фонд Государственного архива Республики Бурятия № 250 «Бурят-Монгольское представительство при Президиуме ВЦИК РСФСР», авторы публикуют малоизученные архивные документы, освещающие проблемы формирования, изучения Баргузинского заповедника в 1924–1928 гг.

В подборку архивных материалов вошел интересный объемный документ, представляющий собой фрагмент доклада заместителя народного комиссара земледелия В. Неупокоева о поездке в Баргузинский соболиный заповедник и питомник.

Тексты документов публикуются с извлечениями и комментариями. Заголовки к документам даны авторами публикации. В заголовках документов применяются общепринятые сокращения, аббревиатуры названий органов государственной власти, существовавших в первые годы после образования республики – БМАССР, ВЦИК, Госплан, наркомат и т. д.

Тексты публикуемых документов переданы в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности документов сохранены. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, опечатки и т. п.), исправлены в тексте без оговорок.

Пропущенные в тексте документов и восстановленные слова, части слов заключены в квадратные скобки. Сохранены географические названия того периода. Текстуальные примечания обозначаются звездочкой. В них указаны погрешности текста. Примечания (комментарии) по содержанию публикуемых документов составлены по печатным и архивным источникам.

Документ № 1

Выписка из отчетного доклада заместителя народного комиссара земледелия В. Неупокоева о поездке в казенный поселок Сосновку и южную часть Баргузинского аймака

10 августа – 22 сентября 1924 г.

**Сосновский соболиный заповедник
и соболиный питомник**

20 августа я прибыл в Усть-Баргузин. Заслушав доклад т[оварищей] Фендзеляу и Падзика (оба партийца, местные работники, хорошо знающие условия работы агентов НКЗ [1] на месте, т[оварищ] Фендзеляу заведующий дистанцией по охране рыбонерпичьих промыслов – агент Буррыбы, т[оварищ] Падзик – заведующий Усть-Баргузинским консервным заводом «Единение») о работе Буррыбы, а также и заповедника, я решил изменить свой предварительно намеченный маршрут и, принимая во внимание уже сравнительно позднее время для путешествия по Байкалу (начало осенних ветров, затрудняющих плавание по Байкалу), не доезжая Баргузина, отправиться на осмотр на место как заповедника (Сосновка – 135 верст по Байкалу), так и знакомства с постановкой рыбонерповых промыслов в Чивыркуйском или Курбуликском заливе.

В целях скорейшего продвижения, а также возможной поимки нерповых браконьеров поездка была организована на небольшой рыбацкой лодке. Кроме меня и т[оварища] Фендзеля, в поездке принял участие и заведующий консервным заводом т[оварищ] Падзик.

Нанято было пять человек гребцов, за плату по соглашению. Имея в виду необходимость скорейшего продвижения, нами избран был прямой путь как кратчайший. Таким образом, маршрут поездки вылился в следующем: Усть-Баргузин – верхняя изгиловь мыса Святой Нос, Ушканий остров – нижняя изгиловь мыса Святой Нос.

Прямое направление через Курбуликские ворота на р. Черемшанка-Сосновка. Выплыли из устья ночью 22 августа, с тем чтобы до Курбуликских ворот делать очные переезды, с целью поимки браконьеров, которые обычно двигаются по Байкалу в ночное время. Обычно в это время года в части Ушканьих островов появляются браконьеры за нерпой – 23-го прибыли благополучно на Большой Ушканий. О самом острове и его значении я скажу после краткого изложения пути следования.

В ночь на 24 августа вышли с Большого Ушканьего, держа направление на нижнюю конечность мыса. Здесь, в верстах пяти от берега, нас настигла сильная буря с грозой и дождем, и мы после 4-часовой упорной борьбы с разбушевавшимся Байкалом, с риском разбиться о суровые прибрежные камни рискнули выкинуться на берег, не отыскивая далее в ночной темноте «разбора» [2]. Только в 10 час. утра следующего дня благодаря стихнувшей буре мы имели возможность двинуться дальше.

Это коротенькое описание «небольшого» сравнительно приключения на Байкале я привожу исключительно для того, чтобы немного остановиться на возможных путях продвижения по Байкалу, с чем по существу целиком связана наша работа, как по Буррыбе, так и по заповеднику и питомнику, которые расположены в 135 верстах от населенного пункта и благодаря суровости Байкала и абсолютному отсутствию сухопутных путей бывают изолированы на долгое время от внешнего мира.

Байкал суров и неприветлив – больше временами он бывает опасен и для самых смелых и опытных пловцов. Средств же сообщения лишь два – пароходное (более безопасное) и на лодке. Первое совершенно недоступно, так как рейсирование пароходов нерегулярное, и, главное, пароходы не заходят ни в Сосновку, ни в одну из тех пристаней, где всегда нужен надзор или связь с живущими там людьми. Конечно, не приходится и говорить о том, что на пароходе была бы возможна поимка браконьеров. Этот способ передвижения, т[аким] о[бразом], совершенно недоступен. Остается лодка, но каждому уже известно, что плавать на лодке с известной безопасностью по Байкалу возможно лишь очень короткий промежуток времени: именно июль-август.

Все остальное время дуют вера, лишающие возможности продвижения на лодке. Конечно, говорить об успешности охраны рыбных и нерповых промыслов здесь не приходится. И наша охрана без хорошего катера или мотора – пустой звук. Браконьер ловок и смел, наши же агенты не имеют никаких побудительных мотивов к тому, чтобы снова по Байкалу на утлых лодчонках с целью поимки браконьеров. И если наша агентура имеет налицо кой-какие результаты работы, то это объясняется лишь только тем, что суровость Байкала часто смущает и смелых браконьеров, посему последние и вынуждены бывают плыть по сравнительно безопасным и, т[ак] ск[азать], торным [3] путям, где всегда и продвигаются обычные рыбаки, т. е. обплывать все мысы и заливы по береговой линии, что значительно удлиняет путь.

Так, если бы мы выбрали именно такой спокойный окружной маршрут, то наша поездка в Сосновку, занявшая при неблагоприятных условиях 10–11 дней туда и обратно, должна была уложиться в 20–25 дней только первого пути. Продвижение по заливам и береговой линии дает возможность также и обезопасить себя на случай бури, так как по всему берегу рыбаками и охотниками наделаны искусственные пристани, по-местному разборы.

Разбор – это небольшая выемка величиной и формой в лодку или карбас, сделанная путем разбора прибрежных камней на две стороны. Такая бухточка, или разбор, является истинным спасителем рыбацкой лодки во время бури. Заведенная в разбор лодка гарантирована от возможности быть разбитой волнами. Так, идя от разбора к разбору, и пробирается осторожный рыбак до намеченного им пункта. В таком же разборе, правда случайно, нашли спасение и мы от расшалившегося Байкала, в ночь на 24 августа.

Подробно на описании пути я останавливаюсь главным образом для того, чтобы характеризовать тот путь, который является единственным путем сношения заповедника с внешним миром. Кроме того, существует еще зимний путь после замерзания Байкала. Но и этот путь не всегда возможен. Зимние бури и бураны ужасны, а байкальские «трещины» настолько велики, что зачастую и зимой, по «твердому» пути нужно иметь большую смелость, чтобы пуститься в путешествие.

Мешает сообщению и торос [4], горы которого также чрезвычайно затрудняют путешествие. Поэтому с точки зрения путей сообщения Сосновка как резиденция должна быть признана положительно неудачной.

В качестве характеристики пути нужно привести те случайности, которым подвергаются байкальские рыбаки и сосновские охотники. В прошлом году было разбито до 6 лодок, из них 4 спаслись, а две погибли. Нынче весной был разбит один большой карбас и одна баржа, оторванная от парохода, остатки которой найдены у Сосновки. Я говорил лично с одним рыбаком, крестьянином Читканского хошуна с. Душеланы, который отсиживался на берегу Байкала 2 недели, ожидая с товарищами, пока утихнет «погода», также я лично говорил с неким гр[аждаанином] Мешковым, охотником, который был выкинут вместе с лодкой на скалу и отсиживался на ней неделю, не имея возможности идти в море из-за ветра, а по берегу из-за невозможности двинуться куда-либо благодаря тому, что по отвесной скале не было физической возможности подняться до плато гольца.

Не нужно забывать еще и того обстоятельства, что идущие в Сосновку охотники-соболевщики должны проходить этот суровый путь в самое плохое время года – осенью в октябре/ноябре, когда владыка Байкал суровее, чем когда-либо. Для меня понятна теперь цена подлеморского зверька – эта цена крови и жизни человека-охотника. Ниже я подробнее остановлюсь на этих условиях охоты и жизни охотника.

Теперь же еще о пути. Благополучно перерезав Байкал по самым воротам Курбуликского залива, мы дошли до р. Черемшанки, что уже в границах нашего заповедника (заповедник начинается у противоположной стороны Курбуликских ворот от знаменитой р. Чивыркуй). Если Байкал неприветлив до Чивыркуя по берегу Курбинского и Баргузинского заливов, он совершенно недоступен в этом месте пути до Сосновки. На 65 верстах расстояния путь лежит около берега, который представляет из себя сплошную каменную громаду, отвесно и без признака берегов спущенную в воды Байкала. Здесь же не удержится не только нога человека, но вряд ли сумела бы удержаться и нога какого-либо зверя. И плохо тому пловцу, которого застигнет в этом месте т[ак] наз[ываемый] «горный» (ветер, дующий с забайкальской стороны). Выход тогда один – подальше в море от этих суровых твердынь – иначе гибель неминуема, будешь разбит.

На всем 65-верстном расстоянии есть лишь два пункта, способных быть пристанью в критический момент. Это устье двух речек Черемшанок. Достигнув их, пловец может все-таки пристать к их отлогим и песчаным берегам (версты 3–4) или суметь забраться в сами речки.

С невеселыми думами, но при хорошей погоде, под ужасные рассказы бывалых пловцов, пробирались и мы на нашей лодке по этим неприветливым и опасным местам, где для человека «несть бытия». Но вот наконец и Сосновка, которую видно по морю верст за 30–35.

В 3 часа вечера, после 12-часового пути под дождем мы пристали к Сосновскому берегу. Сосновская бухта приветлива и гостеприимна. Недаром когда-то в давно прошедшие времена это было прочное стойбище шемагирских тунгусов [5], приютившихся теперь в 200 верстах выше Сосновки. Недаром здесь была и резиденция Шемагирской родовой управы, была здесь и церковь, и древнее тунгусское кладбище.

Уже по самым очертаниям и рельефу берегов Сосновки, по самому положению Сосновской довольно широкой пади, раскинувшейся среди уходящих далеко в высь суровых, вечно снеговых гольцов, видно, что здесь была «тихая пристань» для борцов с суровой природой и со свирепым Байкалом.

Попавший на этот совершенно отлогий, песчаный берег пловец знал, что он у «пристани» вполне. Примерно такое же состояние пережили и мы, проводившие семь дней на водах Байкала. Сам т[ак] наз[ываемый] казенный поселок Сосновка расположен на отлогом берегу Байкала, в образовавшейся широкой пади по речке Сосновке. В тамошних условиях местоположение поселка может быть названо с точки зрения человеческого жилья сравнительно удачным. На этой небольшой равнине построен т[ак] наз[ываемый] Сосновский маяк, принадлежащий Иркутскому Рупводу [6] и в данное время закрытый.

Маяк имеет очень хорошо оборудованный, в 4 комнаты дом и надворные постройки, которые должны быть использованы для целей заповедника. Затем имеется хорошо оборудованная метеорологическая станция Иркутской обсерватории.

Здесь же построена хорошая миссионерская церковь, принадлежащая Подлеморско-Шемагирскому тунгусскому родовому совету. Кроме нее имеется 4 или 5 пришедших уже в ветхость деревянных построек, принадлежащих в свое время этим же тунгусам. Вот это-то жилье, эти-то постройки и послужили, по-видимому, главным образом, основанием к тому, что экспедиция гр. Доппельмайера [7], работающая в 1914–1915 гг., решила основать резиденцию заповедника именно в Сосновке. Соблазнились, т[ак] ска[зать]. На готовое жилье. Ибо ничем иным мотивировать выбор резиденции заповедника, а в дальнейшем и питомника нет оснований. Можно смело утверждать, что с точки зрения «типичности» местности, с точки зрения климатических и иных условий Сосновки, наоборот, не является той особенностью, к которой следовало бы стремиться в целях заповедника и питомника. С таким же, если не большим успехом резиденцию заповедника и питомника можно было бы располагать и на устье Чивыркуя, причем выкидывались бы до 65 вер[ст] самого опасного и скверного пути. Но, к сожалению, в то время Чивыркуй был необитаем, а Сосновка имела маячное здание и была резиденцией шемагирских тунгусов. И остроумные, как всегда, исследователи-чиновники утвердились на готовенькое.

Тем более в свое время Сосновка была автономна и управлялась непосредственно из Питера. А от него до Сосновки год езды. Куда как спокойно для управителей и хороших дельцов, хотя бы они и были представителями науки. Я детально беседовал с двумя участниками экспедиции гр. Забелиным [8] и Сватошом [9], и ни тот, ни другой не дали мне положительных мотивов выбора места резиденции, кроме уже мною приведенных. Кроме указанных чужих построек, в Сосновке имеются: два больших, вполне оборудованных дома – один под квартирой заведующего заповедником, другой, имеющий в себе три отдельных квартиры, предназначен под квартиры егерей. Имеется баня и кое-какие надворные постройки.

В момент моего прибытия в Сосновке проживали: 1) пом[ощник] заведующего заповедником Сватош, 2) его жена, 3) его работник, 4) егеря-братья Шипуновы с семьями, 5) Иванов, занимающий должность маячника и ведущий метеорологические наблюдения с семьей, состоящей из 3 взрослых сыновей, жены и 3 детей.

Все указанные лица имеют довольно прочное жилье и хозяйство: держат рогатый скот и лошадей, домашнюю птицу, имеют небольшие огороды и косят сено

по Сосновской пади. Кстати сказать, из расспросов гр[ажданина] Сватоша и др., засеив хлеба возможны, так как вегетационный период чрезвычайно незначителен.

К сожалению, добыть нужный материал с метеорологической станции не удалось, так как за спешкой возвращения заняться этим было невозможно. Но я лично видел опытные посевы ржи и овса, сделанные гр[ажданином] Сватошом, и можно, конечно, утвердительно сказать, что и «хлебу там не место».

Указанные выше лица проживают в Сосновке постоянно, остальная стража – сезонно. В распоряжении гр[ажданина] Сватоша имеется небольшая, организованная им же лаборатория, и в ней гр[ажданин] Сватош ведет кое-какую исследовательскую работу, как по флоре и фауне заповедника, так и по самому Байкалу и его обитателям.

В момент моего посещения гр[ажданин] Сватош занят был исследованием жизни грызунов (мышей) и определением содержимого желудка нерпы. К сожалению, приходится констатировать два печальных обстоятельства, а именно: 1) вся интереснейшая работа гр[ажданина] Сватоша ведется им исключительно и непосредственно для Москвы, через его связи в научных кружках Москвы, и, т[аким] об[разом], результаты ее, так сказать, ускользают совершенно от соответствующих заинтересованных в этом местных органов, что с моей точки зрения совершенно ненормально, и 2-я лаборатория не имеет ни микроскопа, ни ряда других нужных инструментов – даже принадлежностей к фотографированию, и поэтому ценность работы значительно теряется.

Очередная задача Наркомзема – завязать так или иначе научную связь с гр[ажданином] Сватошом и вместе с тем организовать хорошую лабораторию, так как результаты научных исследований гр[ажданина] Сватоша сыграют значительную роль в работе многих наших хозяйственных органов.

К примеру, достаточно указать хотя бы на изучение источников питания нерпы. Результаты этой работы для умирающего нерпового промысла были бы очевидны для всякого.

Теперь перехожу к делу организации заповедника и поставки дела охраны его.

В данном докладе о поездке я не имею возможности подробно останавливаться на идее организации заповедника и его возникновении. По этому поводу существует уже много специальной литературы. Да мне кажется и излишним говорить о полной необходимости в наших современных условиях такого учреждения, как соболинский заповедник. Этот факт как будто бы уже очевиден для всех. Он подтвердился еще и последним декретом Союзного ЦИКа о придании заповеднику общегосударственного значения.

Во всяком случае, соболь (а подлеморский в частности) – одна из ценнейших наших ценностей, следовательно, охрана и правильная эксплуатация – вещь обязательная и неоспоримая. Наш подлеморский (Сосновка) соболь – самый ценный из всех соболей, и вместе с тем его уничтожение очевидно. Если 3–4 десятка лет тому назад подлеморского соболя добывали тысячами – теперь мы считаем добычу его уже небольшими сотнями.

Охотники и наши специалисты констатируют значительное увеличение соболя за последние два года. Но этот факт нужно считать временным и случайным, и он, конечно, не есть результат работы нашего заповедника. Причины, вызвавшие его, весьма просты. Война, затем гражданская война свели почти на нет количество промышленников, отсутствие огнеприпасов и проч. также сыграло в этом немалую роль, и, т[аким] об[разом], соболь имел возможность спокойно пожить и вырасти.

Наплыв охотников за два-три года, и вновь мы должны будем констатировать уменьшение этого ценного зверя. Следовательно, строгая, дающая действительно результаты, охрана соболя – мера абсолютно необходимая. Так ли это в действи-

тельность? Далеко нет. Даже больше – имея такую постановку дела, какая есть сейчас налицо, мы лишь обманываем себя – не больше.

Попытаюсь данное положение доказать теми фактами, которые я имел возможность получить лично на месте. Заповедник имеет 2000 кв. верст. В его границах запрещена всякая охота. Начало заповедника – р. Чивыркуй, затем он вытягивается по берегу Байкала до р. Давши. Далее идет так называемый «эксплуатационный участок» – 4500 кв. верст, в котором и происходит легальная добыча соболя.

Для надзора за правильностью охоты и поимки браконьеров имелся штат: 1) заведующий заповедником гр[ажданин] Забелин, который имел постоянную резиденцию в г. Баргузине и, т[ак] ск[азать], служил связью и официальным представителем заповедника. При описанных мною путях сообщения с заповедником руководство работой по охране на месте чрезвычайно сомнительно. Посещений гр[ажданином] Забелиным заповедника зарегистрировано в три года три раза (характеристика личная прилагается отдельно); 2) помощник заведующего заповедником гр[ажданин] Сватош (характеристика прилагается отдельно) постоянно проживает в Сосновке и, т[ак] ск[азать], является единственным и фактическим руководителем всей работы по заповеднику. Он во время сезона охоты ведет надзор, он же руководит поимкой браконьеров; в его непосредственном ведении и распоряжении находятся и прилагаемые к нему Забелиным егеря; по штату егерей имеется 12 человек. Шесть из них годовых, шесть сезонных. Как выясняется, два егеря находятся в постоянном распоряжении Забелина в Баргузине, и 8–10 человек обслуживают заповедник под непосредственной командой Сватоша.

Самый принцип охраны заповедника вытекает из существующих навыков и приемов охотников и браконьеров. Больше он, т[ак] ск[азать], устанавливается самой природой, ее суровыми особенностями и отсутствием путей продвижения. Данное обстоятельство, как это и будет видно из последующего изложения, при добросовестном и честном отношении к делу наших егерей значительно упрощает дело охраны.

Официально сезон охоты начинается с 15 октября (я беру везде новый стиль). К этому времени приурочивается и организация стражи. С этого примерно момента начинают организовываться и легальные, и нелегальные охотники – легальная охота в эксплуатационном участке разделена на два сезона (осенний и зимний), и у союза охотников, который арендует этот участок по особому договору, существуют свои очереди. Так как желающих попасть в участок бывает всегда более положенного числа, то союз строго держит очереди охотников, и бывший в прошлом году не может попасть в следующий год.

Таким образом, остается много неудовлетворенных, и большинство из них при известной доле желания всегда составляет ряд добрых браконьеров. Получившие билеты на первый сезон заезжают в охотничий участок на лодках, совершая весьма опасный осенний путь по Байкалу. Так как соболь водится главным образом по известным уже речкам, то речки участка и разбиваются союзом между охотниками. Получившие ту или иную речку в участке, охотники составляют артель, и можно быть смело уверенным, что браконьер сюда не попадет, так как это целиком нарушило бы интересы легальных промышленников.

Таким образом, во время сезона охоты в участке лучшим егерем является легальный охотник, охраняющий свои интересы. И браконьер в таком месте во время сезона охоты – редкостнейшее явление. Из этого обстоятельства определенно можно установить, что все внимание браконьеров направляется на заповедник исключительно, вернее, на определенные пади и речки заповедника, вроде Черемшанок или Громотухи – этих гнездищ соболя.

Для более ясного представления о способе охоты и месте добычи соболя следует еще раз указать, что если соболь и водится во всем заповеднике, во всех его падах

и речках, то не во все места есть доступ охотнику (это может быть тоже известная естественная защита этого ценного зверька). Так, есть места, абсолютно недоступные даже для самых опытейших и смелых браконьеров.

В 1923 г. и в предыдущие годы были случаи снеговых обвалов на переходах через гольцы, где и гибли смельчаки. Еще одно благоприятное обстоятельство: так сказать, со стороны суши (Читканский и Баргузинский хошуны) заповедник почти недоступен. Есть один или два перехода, по которым смельчаки рискуют проникать через гольцы, и только.

Доступ через Чивыркуй по суше почти невозможен – следовательно, все это, взятое вместе, значительно упрощает дело охраны, так как единственным путем подступа на территорию заповедника является Байкал. Но повторяю: соболь слишком ценен, а браконьер слишком смел и хитер, чтобы не преодолевать опасности пути. И пути эти, конечно, ежегодно открываются новые и новые.

Следовательно, рассчитывать на одни эти, казалось бы, благоприятные условия не приходится. Им нужно выход искать в другом. Но предварительно коротко о самой системе охраны, поскольку это мне удалось установить на месте. Во время охоты все егеря разбиваются на группы и посылаются в известные пункты или возможного появления браконьеров, или пункты, заранее установленные путем рассказов или доноса и т[ому] под[обного].

Продвижение охотников и егерей возможно исключительно на лыжах, а с каждым браконьером есть еще и собака, таким образом, выследить браконьера не представляется особенно трудным, зная местность и ряд других местных внешних особенностей. При выходе в обход егерям (ходят по два человека) дается известный срок на возвращение.

После возвращения и соответствующего доклада посылаются вновь два егеря, как бы для проверки факта посещения и правоты доложенного первыми. В случае обнаружения браконьера у последнего отбирается оружие и др[угие] припасы, кроме хлеба, и если браконьер не скрывает своего имени или вообще известен кому-либо из сотрудников заповедника, он без всякой охраны с протоколом добровольно направляется в Баргузин и там уже передается подлежащим властям.

Браконьер неизвестный или оказавший желание скрыться препровождается под охраной из числа егерей или надежных попутных охотников. Таким образом, на первый взгляд, дело охраны кажется довольно простым. Да оно так и есть фактически, если исключить ряд чрезвычайно важных обстоятельств, сводящих почти на нет все дело охраны заповедника. Я перечислю эти недостатки и затем остановлюсь на некоторых из них более подробно:

- 1) недостаточность 12 человек егерей;
- 2) полнейшая их материальная необеспеченность (29 рублей жалованья) наряду со значительным риском службы;
- 3) отсутствие материальной заинтересованности не только в поимке браконьеров, но главным образом в обнаружении его добычи;
- 4) никуда не годное вооружение егерей, так как тяжеловесная примитивнейшая бердана совершенно не пригодна для путешествия на лыжах, по гольцам или таежным дебрям, тяжела, да и как оружие самозащиты не выдерживает критики;
- 5) персональный состав егерей, их невысокие нравственные качества, отсутствие полной уверенности в честности каждого егеря;
- 6) весьма слабое законодательство, карающее браконьеров.

Мои соображения по данным положениям следующие: по пункту 2-му – риск службы очевиден, так как зачастую егерю приходится сталкиваться одному с двумя и более браконьерами, хорошо вооруженными, не имеющими свидетелей, кроме молчаливой тайги. Достаточно выстрела или ловкого удара палкой, и обвал снеж-

ной вершинки гольца надолго скроет преступление и даст возможность легко уйти с ценной тысячной добычей.

Следовательно, уже по одному этому егеря должны быть хорошо оплачиваемы. Затем нужно принять во внимание проживание егеря в продолжение 6 месяцев на 2 дома (сам в Сосновке, семья где-нибудь в родной деревне). Значительную дороговизну продуктов, которыми едущий в Сосновку вынужден запастись на 3 месяца и более.

Все это, конечно, не дает возможности как требовать вполне исправной службы, так и известного вполне искреннего и честного отношения к делу. Во всяком случае, максимальное повышение оплаты труда егерей – вещь, безусловно, необходимая. По пункту 4-му – егерю, бродящему по тайге, где медведь и рысь так же обычны, как бык в деревне, нужно хорошее оружие.

Егерю, которому приходится, что называется, быть «всегда готовым», может быть, к встрече с отчаянным браконьером и думать о необходимости защищать свою жизнь с оружием в руках, хорошее вооружение – вещь обязательная. В данном случае Наркомзем должен получить от соответствующих организаций короткие 3-лин[ейные] карабинки, как самое пригодное оружие, и ими вооружить всех егерей с достаточным количеством патронов к ним. Заведующему заповедником и его помощнику должны быть выданы хорошие дальнобойные револьверы.

По пункту 5-му. От нравственных качеств егеря зависит почти все. Честность егеря в данном случае – основательнейший мотив в деле охраны.

В самом деле – представьте на минуту егеря в его настоящем положении: бедняк, получающий 29 рублей с копейками, за спиной полуголодная семья, полдюжины ребят, плохо родящая полоска земли, с одной стороны, и пойманный хищник, обещающий половину добытого (300–450 руб.) – с другой. Нужно быть безусловно честным и преданным делу служакой, чтобы не соблазниться нарисованной перспективой. Это в лучшем случае. В худшем – мы имеем уже сейчас налицо пойманных с поличным сознательных преступников-егерей, которые при сравнительно приличной их обеспеченности берут не у случайно пойманного в гольцах браконьера, а спокойно, заранее обусловив все выгоды предприятия, запускают браконьеров «из половины». Но об этом ниже.

По пункту 6-му. Законодательство – это один из самых серьезных и самых важных, как мне думается, факторов в деле рациональной постановки охраны соболя. Я глубоко убежден, поняв психологию хищника, что законодательство, если не способствует его размножению, то во всяком случае оно не создало до сих пор стимулов, его уничтожающих.

Рассмотрим этот вопрос детальнее, ибо в нем именно почти единственная возможность, при учете наличных внешних и уже перечисленных выше внутренних условий борьбы, поставить дело если не на должную высоту, то хотя бы достигнуть известных реальных результатов. В своих предположениях я буду несколько резок. Вопрос: что удержало и остановило в развитии уголовный бандитизм, широкой волной прокатившийся у нас в Сибири во время гражданской войны?

Нужно, не закрывая глаза на действительность, ответить, что виной этому была не столько хорошо организованная активная борьба с бандитами, сколько, и главным образом суровое, беспощадное законодательство революционного времени, приведшее не одну буйную голову уголовного бандита на «советскую гильотину». Это факт. Только суровое законодательство революционного времени остановило тот поток бандитизма, который серьезно угрожал общественной безопасности и спокойствию. То же самое было и во времена далекой французской коммуны. Голод, ужасы гражданской войны усиливались уголовным бандитизмом, и французские коммунисты, спасая коммуну, также смело обратились к гильотине и только ею сдерживали аппетиты рыцарей «темной ночи».

Посмотрим теперь, что же грозит нашим мирным бандитам по соболю, чем рискуют, «гарантирует» ли, т[ак] сказать, современное законодательство хороший урок за этот мирный бандитизм против республиканского добра. Согласно ст[атье] 55 Уголовного кодекса, браконьер предается суду и может быть при полной доказанности преступления получить до 3 лет тюрьмы, причем оружие лова, т. е. винтовки, кулемки [10], обмет и капкан, конфискуются и продаются с торгов в пользу казны. Фактически выходит вот что: браконьер, получивши даже и 3 года тюрьмы, при существующем обычае в Баргузине вносит 72 руб. откупа и бывает свободен от наказания.

Винтовки или друг[ое] охотничье снаряжение будут стоить до 50 руб. итого убытку 125 руб. (допускаю 200 р.). Что получает браконьер, спрятавший умело свою добычу (надо заметить, что в практике не было случая поимки браконьера с добычей)? Средняя цена подлёморского соболя от 450 до 500 руб.

Таким образом, даже арестованный и «наказанный» по закону браконьер зарабатывает в среднем от 250 до 500 руб. золотом. Думается, что есть смысл рискнуть оказаться даже и браконьером. Нужно, следовательно, срочно выработать такие карательные меры, при применении которых не было бы охоты снова и снова идти на браконьерство.

В Германии браконьеров убивают на месте. Я отнюдь не хочу удариться в крайность и настаивать на такой мере и у нас. Это было бы вне принципов нашей социалистической морали и законодательства, я обязан, как человек глубоко убежденный, что вне его нет смысла в заповеднике, нет смысла в самой борьбе с браконьерством.

И может быть жесткая, но вместе с тем и разумная мера борьбы приходит мне на ум. Браконьер идет за легкой добычей, за рублем, следовательно, рублем его и следует наказывать. Еще одна относительно вольная мысль: русский человек при вык к тюрьме и его не «запугаешь» [11] и 3 годами за 500 руб. Следовательно, тюремное заключение не достигает здесь нужных результатов.

Единственной карой, могущей сократить число хищников, должен быть суровый, быстро и решительно проводимый по суду денежный штраф. «Всякий пойманный в заповеднике браконьер, с добычей или без добычи, подвергается штрафу в зависимости от его хозяйственного обзаведения, но не менее 500 руб. С обязательным тюремным заключением в Центральном Доме лишения свободы не менее 3 лет без применения амнистий. Все снаряжение браконьера, оружие и результаты промысла конфискуются, а браконьер лишается на 5 лет после отбытия наказания права иметь какое-либо огнестрельное оружие».

Я вполне понимаю всю суровость предлагаемой меры, она, может быть, будет совершенно разорительна для многих хозяйств, но иного способа прекратить браконьерство и тем спасти ценность всего Союза, республики – нет. 72 рублями не испугаешь хищника, который в перспективе имеет возможность довольно легко получить 500 руб.

Имеющееся в производстве уполномоченного ГПУ по Баргузинскому аймаку дело о 35 браконьерах хорошо доказывает, как глубоко пустило корни соболинное хищничество.

В этом деле характерно будут показаны и взаимоотношения егеря и хищника, с одной стороны – хищника и половинщика, кулака – скупщика, с другой. И законодательство, стоя на страже интересов республики, должно быть одинаково сурово ко всем. Иначе, повторяю, нет способов борьбы. Отсутствие нужных средств, недостаточность стражи, суровая тайга, могущая скрыть любое преступление – все это должно быть принято во внимание, и строгий закон должен заранее гарантировать хищнику должное возмездие.

«Выучить трех, четвертый сам умным станет», говорит старинная пословица. И я упорно буду говорить о необходимости пересмотра существующего законодательства в этой области. Еще одно обстоятельство. Дабы заинтересовать егерей в поимке хищника, нужно создать хорошее их премирование. Следовало бы давать половину стоимости конфискованного имущества егерю. Дабы увеличить поимку с «поличным», т. е. с добычей, следует 1/3 стоимости добычи по оценке давать также егерю в качестве премии. Только такими мерами мы достигнем действительных результатов по охране соболя. Все же остальное – паллиатив, пустой звук, не достигающий решительно никакой цели.

К охране заповедника в зимнее время должна быть привлечена также и стража Баргузинского лесничества, могущая устроить значительный заслон против возможного захода в заповедник со стороны гольцов сухопутьем. В этом отношении мною даны уже соответствующие указания баргузинскому лесничему, и Управлению лесами Наркомзема следует инструктивно регулировать данный вопрос.

На зимнее же время в качестве охраны может быть привлечена и агентура Буррыбы, агент, который проживает постоянно на р. Чивыркуй и, таким образом, представляет собой естественный заслон против возможного захода хищников со стороны чивыркуйской границы заповедника. Об этом подробно будет договорено с начальником Буррыбы. Выше я сказал, что охрана охотничьего участка и его промысловых речек ведется самими охотниками.

Конечно, это не исключает известного систематического надзора со стороны заповедников и егерей. Однако я держусь того мнения, что более рациональной охраны, чем охрана самими охотниками, не достигнешь, и мне кажется целесообразным будет в будущем республиканском съезде союза охотников этот вопрос детально проработать и по союзной линии дать соответствующие директивы.

Ибо больше, чем государство, в сохранении соболя заинтересован сознательный член союза охотников. Имея в виду необходимость усиления надзора и руководство над егерями во время охоты при реорганизации заповедника, произведенной мною в Баргузине, о чем буду говорить ниже – я предложил новому помощнику завед[ующему] заповедником (партийцу) Кузнецову иметь постоянное жительство также в заповеднике.

В этих же видах персональный наем стражи предложено производить исключительно по согласованию с местным отделом ГПУ. Еще об одном обстоятельстве, имеющем непосредственное отношение к делу охраны заповедника и борьбы с браконьерством. Хищник хитер, хищник работает с помощником, хищнику, как и всякому охотнику, в суровой тайге нужен известный приют.

Благодаря этим обстоятельствам, на Байкале поселились ряд лиц, которые, проживая под тем или иным легальным и благовидным поводом, основав прочное жилье, вместе с тем являются хорошими пособниками браконьерам. Такими лицами являются самовольно поселившиеся 2–3 человека на речке Чивыркуй и семья Ивановых, проживающая в самой Сосновке. Жилье первых является хорошим остановочным пунктом при входе в заповедник, вторые – хорошие осведомители о распоряжениях администрации заповедника и о путях продвижения егерей.

Имея в виду вышесказанное, подтвержденное рядом фактов, переданных мне людьми сведущими, и принимая также во внимание, что Сосновский маяк официально закрыт и семья Ивановых и он сам ничем больше с территорией заповедника не связаны, я отдал приказ выселить Ивановых и всех проживающих в Чивыркуе и Сосновке с первым же рейсом парохода, который остановится в Сосновке.

Ведение метеорологических наблюдений в Сосновке следует, списавшись с Иркутской обсерваторией, поручить жене гр[ажданина] Сватоша или кому-либо из посторонних егерей. Этим актом мы ликвидируем значительную возможность

приюта и пособничества браконьерам в самой Сосновке. Мне казалось, что самым лучшим средством к сохранению соболя был бы 5-летний запрет вообще добычи соболя. Правда, мера эта временная, хотя и могущая дать значительные результаты. Я не останавливаюсь на этом вопросе подробно, так как знаю, что он тесно связан с вопросами экономики хозяйства охотника-крестьянина, с его бюджетом, с его платежеспособностью, и потому, полагаю, требует более длительного и серьезного изучения.

Перехожу к питомнику, организованному при заповеднике в том же казенном поселке Сосновка. Предварительно считаю необходимым сказать коротко по существу предмета вообще. Вопрос о питомниках в достаточной мере уже полно освещен в соответствующих научных трудах, с одной стороны, и опыт с лисьим главным образом питомником – с другой, хорошо подтвердил правильность тех или иных научных выводов.

Во всяком случае практика разведения чернобурой лисы в Америке после длительных опытов дала блестящие результаты. Так, уже в 1914 году, по официальным данным, стоимость канадских лисьих питомников оценивалась в 30,398.000 руб., а число канадских лисиц из питомников в 1915 году было больше, чем добывалось их на воле. Причем отмечено, что ценность шкурки лисы искусственного разведения по качеству была выше добытой на воле. Разведение чернобурых лисиц в России также достигает хороших результатов. Не заходя далеко, следует указать незначительное развитие лисьего питомника в Иркутской губернии, недалеко от поселка Лиственничного, где нынешний год дал хороший и ценный помет.

Нужно сказать, что те же предприимчивые американцы в продолжение уже 40 лет ставят опыты искусственного разведения и соболей. Несколько соболей ими было вывезено от нас из Подлеморья. Насколько известно из литературы последних лет, и в этом американцы достигли значительных успехов.

Во всяком случае, теперь уже смело можно утверждать, что разводить соболя в питомниках возможно столько же успешно, как и чернобурую лису. Наш подлеморский соболь представляет из себя совершенно особый, отдельный от других вид соболя. Он, по свидетельству специалистов, единственный в мире, его ценность велика. Таким образом, принимая во внимание естественное уменьшение запасов этого ценного зверя, своевременно поставить на твердые ноги вопрос о его искусственном разведении. Здесь я не могу заняться арифметическими выкладками очевидной выгоды этого дела в будущем, но думаю, что принцип дела очевиден для всех. Бур[ят]-Монг[ольская] республика, обладающая этим единственным в мире зверьком, должна подумать не только о его сохранении, но и его увеличении и возможной эксплуатации – разумной и длительной.

Организация питомника искусственного разведения соболя – единственный путь к этому. Посмотрим, что мы имеем в данный момент налицо и возможно ли наличную организацию питомника признать разумной и выгодной. Знакомый несколько с литературой этого вопроса, то, что видел в Сосновке, я не могу признать ни разумным, ни выгодным.

И вот по каким причинам: в данное время в питомнике находятся 2 самки и один самец. Был пойман еще один самец, но он «убежал». Дело это чисто административного разбирательства, и говорить о нем здесь я не считаю удобным. До этого были еще соболя, но два из них пропали по причинам, кои не выяснены. Питомник расположен в 100–150 саж[енях] от жилых строений Сосновки, устройство его, на мой взгляд, более чем примитивно и вряд ли соответствует тем требованиям, кои к нему следовало бы предъявить.

Но об этом ниже. Сам по себе питомник представляет площадь земли 5×10 саж[ен], огороженную плотным забором. За этой оградой и находятся три клетки из

обыкновенной механически плетеной проволоки с крышей из такой же проволоки. В каждой клетке по одному соболу.

В качестве жилья имеются две-три небольшие долбленные колоды, в середине клетки стоит деревянный ящик, внешним видом значительно похожий на рамочный улей. В этом ящике имеется два отделения, одно из них превращено в гнездо, в котором соболь и живет. Никаких особенно приближающихся к естественной жизни соболя условий нет. В каждую клетку ведет особая дверца, около которой имеется особо устроенный резервуар для воды. Питание соболей производится особым лицом 2 раза в день (утром и вечером).

Пищей служат рыба, рябчик, мясо добываемых зверей, ягоды и кролики, разводимые в Сосновке. Одна из маток почти ручная – спокойно переносит присутствие человека в клетке, спокойно берет пищу и вообще дает основание думать, что дикость соболя, о котором так много говорят, несколько преувеличена.

Другая самка, а также и самец несколько более дики, но вовсе же особенного беспокойства не выражают. Нынче был сделан опыт случки, и самец был пущен к обоим самкам. Наблюдающий за этим делом гр[ажданин] Сватош уверяет, что соболь моногамен и вторая самка как будто бы не приняла самца. Самец как бы не понравился самке.

Со второй же самкой он дружно прожил совместно длительное время. Не удалось установить покрытия самки и поэтому уверенно говорить о приплоде нет оснований. Тем более, по словам того же т[оварища] Сватоша, соболь не дает помета ранее 2 лет от рождения, а пойманные самки, по его уверению, первородки. Еще в начале описания Сосновки я указал на то обстоятельство, что местность, где расположен питомник, нетипична для всего Подлеморья, наоборот, она является широкой низиной, редко там встречаемой. И потому перед мной встал вопрос: соответствуют ли данные условия требованиям жизни соболя в питомнике. На этот вопрос оба специалиста – Сватош и Забелин – заявили, что с их точки зрения для искусственного разведения соболя не требуется абсолютно естественных условий его вольной жизни.

Таким образом, основываясь на указанном заключении специалистов и принимая во внимание то обстоятельство, что подлеморский соболь живет и в Канаде, следует, по-видимому, остановиться на положении, что первобытные естественные условия жизни соболя являются как бы не обязательными при его искусственном разведении.

Я лично думаю, что отзыв этот требует значительной проверки и научных доказательств. Во всяком случае, не исключая возможности нормального проживания соболя в неволе в другом каком-либо месте, я ставлю и хочу найти ответ на естественный, по-моему, вопрос – насколько естественные условия местности (близость Байкала, прозрачность воздуха, резкость климата, известное время выпадения снегов на гольцах, их таяние) влияют если не на самое существование соболя, то на строение его шерсти, той атласной тонкости оси, той прочности и окраски, которой и характеризуется этот единственный в мире зверек. Соболь собою рознь. И не находя ответа на это, я боюсь, что перемена условий жизни подлеморского соболя хотя и дает возможность выращивать соболя, но он уже не будет «подлеморским». Ответ на этот вопрос должен, мне кажется, решить, так сказать, и дальнейшую судьбу самого питомника.

И вот по каким основаниям. Само дело питомника, его развитие, его рационализация требуют значительного применения того, что дает нам техника и механика. Всегда под рукой должна быть сетка, специальная жесь, гвозди, различные приспособления. Всегда должен быть налицо хоть один плотник, могущий сделать то или иное приспособление. Ничего этого нет и не может быть в Сосновке, благодаря уже описанным мною путям сообщения. Конечно, доставить все требуемое

возможно, но это вызовет колоссальные расходы и не всегда будет своевременно. И естественно, если сам собой встает вопрос о переброске питомника куда-либо в другое, более подходящее место, ближе к культурным центрам, ближе к хорошему, хозяйскому глазу, который смог бы не в 3 года один раз заглянуть в этот ценный и поистине интересный во всех отношениях уголок. Бывший заведующий заповедником гр[аждаинин] Забелин, ныне мною устроенный, по собственной инициативе задумал перевести питомник в гор. Баргузин, для чего и повел подготовительные работы по постройке и приспособлению нужных зданий в 1–½ версты от г. Баргузина, на месте бывшего лесного кордона.

Я особенно подробно не расспрашивал гр[аждаинина] Забелина о мотивах, которыми он руководствовался при своем решении и выборе этого места под питомник. Судя по коротким разговорам, им руководили те же мотивы, что изложены мной. Местность же, им выбранную, он считает типичной и вполне подходящей. Осмотрев лично выбранную им площадь, а также местность, ее окружающую, я не разделил мнения гр[аждаинина] Забелина.

Со мной согласились почти все работники аймака, так или иначе знакомые с этим делом. Вследствие этого, а также считая, что если вопрос о переносе питомника может быть решен положительно, то резиденция питомника должно быть место вблизи центра, дабы избежать всех неудобств и недостатков организации, которые не устраняются с переводом питомника в г. Баргузин, я отдал распоряжение прекратить постройки и заготовку леса, оставив питомник на прежнем месте, впредь до разрешения этого вопроса в центре.

Лично я полагаю, что если наука и опыт ответят, что опасности для проживания подлещинского соболя вне его естественных условий нет, я буду стоять за перевод питомника куда-либо ближе к центру. Гр[аждаинин] Забелин является высококвалифицированным в этой области специалистом. В данное время он прикомандирован к Управлению лесами, и я полагаю, что очередная его работа должна выразиться, во-первых, в ответе на поставленный мною вопрос, во-вторых, в экспедиционном подыскании подходящего питомника места вблизи центра. Здесь следует указать на то обстоятельство, что ловля живых соболей для питомника вещь значительно простая и не требующая больших средств. Производится это самым примитивным способом, т. е. обметом (сетью). И ловлю соболя всегда возможно организовать в заповеднике силами тех же егерей.

Сама перевозка сравнительно прирученных уж соболей особенной трудности или опасности также не представит. Лично я думаю, что лучше всего перевозить матку, пойманную в последние месяцы беременности, после того как она даст помет в клетке. Мне кажется, соболь, родившийся в неволе, щенком легче перенесет все связанное с дорогой и вообще изменение условий жизни. Оставление питомника в Сосновке я считаю, по причинам вышеуказанным, делом неразумным и невыгодным. Нужных результатов мы там никогда не получим. И мне кажется, лучше своевременно отказаться от этого дела, чем затрачивать на него значительные средства и силы. Если содержание заповедника принято на счет союзной сметы, то содержание питомника, по-видимому, является делом одной Бур[ят]-Монг[ольской] республики.

Дело питомника, если его ставить, ожидая от него результатов, в самом начале требует значительных средств. Отпустить прямо эти средства республика как будто бы и не может. Но и здесь, мне кажется, возможно найти выход, который предсказывает несколько коммерческий подход к делу. Нужные средства возможно достать продажей 2–3 живых соболей в Америку или разрешением добычи десятка соболей в том же заповеднике силами егерей же для продажи. Говоря о возможности переноса питомника, я тесно связываю это дело с другим, не менее нужным и выгодным делом, которое, как мне казалось до посещения Сосновки, возможно

было бы организовать там же. Это мараловодство, или вернее по-забайкальски, изюбриный питомник. Говорить о ценности пантов не приходится. Добыча пантов ведется самым хищническим и варварским способом. Изюбря, для того чтобы добыть панты, убивают. Что может быть безрассуднее этого явления. И принять меры к разведению изюбря, который исчезает чуть ли не скорее, чем соболь, более чем своевременно.

Я думаю, что следует поставить вопрос о соединении соболиного и изюбриного питомников. И отыскивая место под соболиный питомник, затрачивая на это известные средства, не следует упускать из виду и изюбря как ценного и редкого зверя. Условия Сосновки для этого не подходящие, главным образом из-за отсутствия трав и, следовательно, возможности достаточной заготовки зимних кормов.

Это обстоятельство в связи с вышевысказанными предположениями также говорит за перенос питомника в другое место. И я думаю, что в будущее исследовательское задание гр[ажданину] Забелину следует дать твердые указания иметь в виду возможность рациональной постановки и изюбриного питомника.

Во всяком случае, к моменту установления санного пути из Сосновки вопрос о питомнике должен быть решен окончательно. В данное время питомник оставлен на ответственности гр[ажданина] Сватоша, который и являлся его фактическим создателем и руководителем. Я не указываю здесь на ряд мелких вопросов по заповеднику и питомнику, разрешенных мною на месте, так как они носят не принципиальный, а обычный административный характер.

Заканчивая обзор положения дел в заповеднике и питомнике, следует остановиться на предстоящем процессе 35 браконьеров и ряда егерей заповедника. Весь успех дела раскрытия браконьеров, их поимки и проч. следует отнести исключительно на счет энергии и умения т[оварища] Евсеенко, уполномоченн[ого] ГПУ в городе Баргузине.

Только благодаря тому, что т[оварищ] Евсеенко заинтересовался делом, мы имеем налицо ряд пойманных браконьеров, работавших в Сосновке в прошлый зимний сезон. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает, как низко стоит дело охраны заповедника, а детали процесса покажут все отрицательные стороны существующей в таком виде организации.

Выписка верна:

Управделами

Голубев

[ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–26. Машинопись. Заверенная копия].

Документ № 2 Постановление СНК РСФСР о Баргузинском государственном охотничьем заповеднике

3655/2, Москва, Кремль

5 января 1926 г.

В развитие декрета Совета Народных Комиссаров об охране памятников природы, садов и парков (С.У. 1921 г. № 65 ст. 492) Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляет:

Утвердить нижеследующее положение о Баргузинском государственном охотничьем заповеднике:

Положение о Баргузинском государственном охотничьем заповеднике:

1. В целях сохранения и размножения ценного баргузинского соболя и других промысловых животных в Баргузинском аймаке Бурят-Монгольской АССР по северо-восточному побережью озера Байкал учреждается Баргузинский государственный охотничий заповедник с научно-промысловой станцией и питомником про-

мысловых животных при нем, в составе абсолютного заповедника и охотничьего эксплуатационного участка.

Абсолютный заповедник имеет следующие границы: южная граница по течению реки Большой Чивыркуй. Западная граница: по берегу озера Байкал от устья реки Большой Чивыркуй к северу до мыса Зырянского (Валукан). Северная граница: от мыса Зырянского (Валукан) на берегу Байкала и водораздельной линии Баргузинского горного хребта по гребню водораздела между реками Таркулик Бирикан (Валкуан) и далеко по хребту водораздела между реками Таркулик и Давша. Восточная граница: по водораздельной линии Баргузинского горного хребта.

2. В состав заповедника входят системы следующих рек: Б. Чивыркуй (правая сторона), Малых и Больших Сухих ручьев, Кедровый, Малый Черемшаны, Большой Черемшаны, Кудалы, Сосновый и Таркулик.

3. Охотничий эксплуатационный участок имеет следующие границы: южная граница: от берега Байкала мыса Зырянского (Валукан) к Баргузинскому горному хребту по водоразделу между реками Таркулик, Бирикан и далее по хребту водораздела между реками Таркулик и Давша.

Западная граница: по берегу озера Байкал от мыса Зыряновского (Валукан) к северу от мыса Гулекан (губы Амун-Дакан). Северная граница: от мыса Гулекан губы Амун-Дакан к Баргузинскому горному хребту по водоразделу между реками Амун-дакан (южный) и рекой Томпудой; далее от верховья реки Амундакан, по водоразделу между реками Томпуда и Шагнанды, по гребню между ключами Даваскит, впадающим в реку Согзонжон (приток Томпуды), и ключом Даваскит, впадающим в Шагнанды, к водораздельной линии Баргузинского хребта. Восточная граница: по водораздельной линии Баргузинского горного хребта. Охотничий участок включает системы следующих рек: Бирикан, Давша, Большая речка, Язевка, Кабанья, Яксакан, Урбикан, Иринда, Шагнанды и Амундакан (южный).

4. В пределах абсолютного заповедника запрещается спортивная и промысловая охота всякими способами на всех зверей и птиц, а также разработка и обработка леса и прочих природных богатств, кроме случаев, вызываемых интересами заповедника и предусмотренных в инструкции по управлению заповедником или же по особому на то разрешению.

5. В пределах эксплуатационного участка, предназначенного для научной разработки экономических и организационных основ правильной эксплуатации промысловых животных, ведется специальное хозяйство, применительно к его задачам, и рациональная эксплуатация промысловых животных. Доходы от всех видов хозяйств в эксплуатационном участке поступают на нужды заповедника и его научно-опытных учреждений и расходуются по особой смете в порядке, установленном для расходования специальных средств.

6. Все находящиеся на территории заповедника и эксплуатационного участка постройки и сооружения со всем инвентарем передаются в ведение управления заповедника.

7. Посещение территории заповедника и эксплуатационного участка, а также проживание в нем посторонним лицам без разрешения управления заповедником воспрещаются.

8. Нарушение настоящего постановления влечет за собой применение судебными и административными органами исправительных мер, предусмотренных ст. 99 и 220-й Уголовного кодекса РСФСР.

Примечание: Нахождение в пределах заповедника с охотничьими или могущими служить для охоты оружием или орудиями лова зверей и птиц или с собакой приравниваются к производству запрещенной охоты.

9. Общее научно-административное руководство Баргузинским заповедником возлагается на Народный комиссариат земледелия РСФСР, непосредственно же за-

ведование заповедником поручается Народному комиссариату земледелия Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики.

10. Расходы на содержание Баргузинского заповедника производятся по смете управления лесами народного Комиссариата земледелия РСФСР.

Зам. председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР

А. Смирнов

Управляющий делами совета народных комиссаров

Смолянинов

Секретарь Совета Народных Комиссаров РСФСР

М. Болдырев

[ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 10. Л. 98–99. Машинопись. Заверенная копия].

Документ № 3

Заключение на представление Наркомата торговли РСФСР в Совнарком РСФСР по вопросу организации опытного соболиного питомника в БМАССР

№ 404

23 марта 1928 г.

По существу представления НКторга РСФСР об организации соболиного питомника в БМАССР представительство Буреспублики при Президиуме ВЦИК имеет сообщить следующее:

1) Организация при Баргузинском заповеднике опытно-показательного питомника на 50 пар соболей более целесообразна, чем на 10 пар, так как она даст возможность поставить в широком масштабе опыты по выращиванию соболей в неволе и по изысканию наилучших способов и методов такого выращивания. Опыты же по выращиванию соболей в питомниках с небольшим контингентом соболей, ставившиеся до сих пор в Баргузинском и других малых питомниках, оказались неудачными.

2) Указание комиссии на то, что организация большой опытной фермы потребует вложения значительных средств, является несущественным, так как поимка соболей, их корм и размещение стоят недорого, а другие расходы (на оборудование, по обслуживанию питомника и т. д.) с увеличением контингента соболей возрастут незначительно. При сжатии некоторых расходов, возможно, удастся уложиться в ассигнования менее испрашиваемой нами суммы в 90000 руб.

3) Подготовленных людей для руководства питомником необходимо подыскать независимо от того, будет ли организован питомник на 10 пар соболей или же на 50 пар. Таких людей для руководства питомником Буреспублика найдет.

4) Возражение комиссии, указывающее на нецелесообразность организации в БМАССР большой опытной фермы вследствие отдаленности места от научных центров, является несерьезным, так как опыты необходимо ставить там, где соболь живет и размножается в естественных условиях, в наиболее благоприятной для него обстановке, а не там, где это удобнее было бы по ряду технических соображений. Это возражение комиссии находится в прямом противоречии с ее же доводами, приведенными ею в пользу организации опытной фермы на 10 пар соболей. Ввиду означенного Бурпредставительство при Президиуме ВЦИК ходатайствует об организации опытного соболиного питомника с контингентом до 50 пар соболей.

Заместитель представителя БМАССР

при Президиуме ВЦИК

Данчинов

Секретарь

Судак

[ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 10. Л. 158–158об. Машинопись. Заверенная копия].

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

Примечание

1. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, 29.12.1916, опубликовано 20.01.1917. Ст. 107. Об установлении Баргузинского, Забайкальской области, охотничьего заповедника.

Комментарии

1. Народный комиссариат земледелия (с 1923 по 1946 г.), с 1946 г. в статусе Министерства – руководящий орган хозяйственной деятельностью, направленной на развитие сельскохозяйственного производства [Путеводитель по фондам...2008:169].

2. Разбор (разг.) – примитивная пристань.

3. Торный путь – устар. выражение, означающее проторенный, наезженный путь.

4. Торосы – нагромождения обломков льда.

5. Шемагирские тунгусы – племена бродячих тунгусов Подлеморско-Шемагирского рода, обитавших в районе северо-восточного побережья оз. Байкал. Жизнь и быт тунгусов Подлеморья исследовались экспедицией Г. Г. Доппельмайера в 1914–1915 гг.

6. Иркутский Рупвод – имеется в виду Иркутское районное управление водным транспортом.

7. Георгий Георгиевич Доппельмайер (1880–1952) – исследователь-практик, доктор биологических наук, руководитель экспедиции 1914–1915 гг., изучавшей баргузинского соболя.

8. Константин Алексеевич Забелин (1885–1934) – известный охотовед, исследователь, первый директор Баргузинского заповедника.

9. Зенон Францевич Сватош (1886–1949) – зоолог, один из основателей и второй директор Баргузинского заповедника [Зенон Сватош 2011: 145].

10. Кулемка – специальная ловушка для поимки соболя.

11. Запужать – устаревшее выражение, означающее запугать, напугать.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-250.

Зенон Сватош. Путешественник, зоолог, директор первого в России заповедника. Арктика, Африка, Байкал / сост. А. Г. Янкус. – М.: Бизнес-Информ, 2011. – 160 с.: ил.

Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия (1917–2006 гг.) – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. – 565 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB). F. R-250.

Zenon Svatosh. Puteshestvennik, zoolog, direktor pervogo v Rossii zapovednika. Arktika, Afrika, Bajkal / sost. A. G. Yankus. – M.: Biznes-Inform, 2011. – 160 s.: il.

Putevoditel' po fondam Nacional'nogo arhiva Respubliki Buryatiya (1917–2006 gg.) – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2008. – 565 s.